

Кампания Феодосия Великого против Евгения

Богданов Дмитрий

БелГУ

ignorabim@yandex.ru

Конец IV века для Римской империи стал во всех смыслах переломным моментом: именно тогда проникновение варваров на все уровни армии и государственной администрации уже невозможно было остановить; именно тогда многолетний конфликт язычества и христианства достиг своего апогея и именно в 395 г. утвердилось разделение на Западную и Восточную империи. Хорошей иллюстрацией процессов, происходивших в Римской империи накануне распада, является узурпация власти на Западе Евгением и его противостояние с Феодосием Великим, уже ставшие темой ряда статей Н. В. Парфенова. Тем не менее, это событие является хрестоматийным для исследований, посвящённых падению Рима (П. Хизер, М. Грант, У. Гоффарт), и отношениям Рима с варварским миром (С. Дилль, Э. А. Томпсон, В. П. Буданова). Отдельные аспекты кампании Феодосия Великого против Евгения, в частности, битва при Фригиде, рассматриваются разработчиками концепции Поздней античности (А. Кэмерон, П. Браун, А. Х. М. Джонс). В отечественной историографии информация об этом эпизоде содержится в работах, посвящённых политической и дипломатической истории того периода (В. Т. Сиротенко, В. И. Уколова), а также упоминается отечественными византинистами, однако лишь как полководческий успех Феодосия Великого (Ю. А. Кулаковский, Ф. И. Успенский, А. А. Васильев). Кроме того, отсутствуют комплексные исследования, посвящённые личностям, сыгравшим в противостоянии с узурпатором важную роль: Тимасию, Арбогасту, Стилихону, Алариху, за исключением отдельных глав и параграфов (Дж. М. О'Флинн, Дж. У. Эрматингер). Сохранилось достаточно источников, подробно освещающих узурпацию Евгения: «Новая история» Зосима, «История против язычников» Павла Орозия, «Церковные истории» Сократа Схоластика, Эрмия Созомена и Феодорита Киррского, труды Олимпиодора, не дошедшие до нас в полном объёме, «Римская история» Павла Диакона и панегирики Клавдия Клавдиана. Наиболее эффективным методом работы с таким количеством источников является метод комплексного анализа. Сравнительно-исторический метод используется при оценке деятельности основных участников событий, а историко-генетический – для выявления причин социальных и политических процессов.

После смерти при загадочных обстоятельствах Валентиниана I достиг успеха переворот, подготовленный франкским полководцем Арбогастом, позволивший утвердиться на престоле канцеляристу Евгению, который, будучи римлянином, имел право, в отличие от Арбогаста, быть императором. Феодосий Великий выступил против Евгения и исход их противостояния был определён в генеральном сражении, которая состоялась на р. Фригид близ г. Аквилея в 394 г. Обстоятельства этой битвы туманны: точно неизвестна продолжительность битвы, характер природных аномалий во время неё (затмение, ураганный ветер, шаровые молнии), а также взаимодействие командующих войска Феодосия Великого. Авторы по-разному описывают вооружение воинов и поведение командующих в ходе сражения. Отдельным вопросом также стоит религиозная подоплека конфликта. Дело в том, что религиозная политика Феодосия может с полным основанием быть названа прохристианской, в то время как Евгений, придя к власти, отменил антиязыческие постановления, принятые императором Грацианом. Особенный интерес вызывает состав командующих в войске императора Феодосия, поскольку в этой кампании на смену Промоту и Рихомеру приходит плеяда талантливых полководцев: Тимасий, Савл, Бакурий; получают боевое крещение Флавий Стилихон, «спаситель Рима», и «губитель Вечного города», гот Аларих. Таким образом, несмотря на широкий круг источников, ряд обстоятельств битвы при Фригиде, а также всей кампании против Евгения до сих пор остаются неизвестными, а это событие, представляя несомненный интерес, в свою очередь, служит прекрасным индикатором происходивших в Империи процессов.

Генезис и начало «дионисийской» религиозной политики триумвира Марка Антония

Богомазова Людмила

ХНУ имени В. Н. Каразина

ludnika@e-meil.ua

Римскую политику на Востоке в третьей четверти I века до н. э. олицетворял триумвир Марк Антоний. Неотъемлемым компонентом его деятельности была идея «Антоний-Дионис». Собственно истоки и начало ее формирования и стали темой данного исследования. Отправной точкой религиозной политики Марка Антония многие исследователи (Г. Бенгтсон, А. Кравчук, И. С. Свенцицкая, Л. Р. Тэйлор) считают Эфес, хотя Ф. Кравен, Р. Ф. Росси и Е. В. Смыков называют таким местом Афины. В историографической традиции превалирует суждение, что в Азии триумвир был обожествлен подобно эллинистическим монархам. Основой для подобного утверждения послужило свидетельство Плутарха – автора ключевого источника по восточной политике М. Антония и единственного сообщения о дионисийской процессии 41 г. до н. э. в Эфесе. Дополнить представление о развитии интересующей нас идеи могут сочинения Афиней, Диона Кассия, Веллея Патеркула, эпиграфические данные и нумизматический материал. Античные писатели, а за ними и ученые нового и новейшего времени, как правило, не разграничивают понятия «обожествление» и «предоставление божественных почестей» в целом и в отношении восточного триумвира в частности. Развести их, а значит конкретизировать, нам представляется крайне необходимым для понимания природы «дионисийской» религиозной политики Антония и первых его шагов в этом направлении. Для достижения поставленной цели особое внимание было уделено следующему вопросу: усматривается ли в подобных действиях восточного триумвира преемственность религиозной политики эллинистических царей? Анализ сакрально-политического опыта эллинистических монархов, прежде всего, Атталидов, как правителей, которые более других опирались в своей религиозной деятельности на культ бога Диониса, позволяет заключить, что ни одна из характерных черт обожествления эллинистических владык не была присуща фигуре восточного триумвира. С другой стороны, римляне, соприкоснувшись с Востоком, также не избежали воздействия подобных обычаев. Возникает вопрос о соотношении культов Диониса и Либера в римском обществе того времени, а вместе с тем – о возможности обнаружить преимущественно римские корни обожествления Марка Антония. Анализ практик преклонения жителей провинций и союзных городов перед римскими военачальниками и наместниками на Сицилии, в Греции и Малой Азии позволяет предположить, что в этих случаях речь следует вести не об обожествлении, а о предоставлении божественных почестей. Они воздавались ситуативно, по той или иной причине: в благодарность за определенные благодеяния, по воле самого римлянина или по случаю некоего знаменательного события, как в ситуации с Марком Антонием. Более того, в отличие от обожествления эллинистических царей, подобные почести носили локальный характер. И то особое внимание, которое римские граждане получали вне Италии, никоим образом не влияло на их положение в самом Риме или где бы то ни было в другом месте. Оно укрепляло их положение там, где это внимание им оказывалось. Вместе с тем, нами была предпринята попытка сделать акценты на времени прибытия Антония в Афины и Эфес с учетом календарей религиозных торжеств обеих культовых центров. Выяснилось, что в Афинах римлянин принял посвящение в таинства, Малые мистерии, в ходе которых чтился и Дионис, а его приезд в Эфес совпал по времени с местным праздником в честь этого божества. Судя по всему, здесь, как прежде в Афинах, Антонию предложили взять на себя роль Диониса в городском религиозном торжестве. И он согласился. Иными словами, в 41 г. до н. э. восточный триумвир исполнял роль бога в определенных ситуациях, в рамках своего участия в конкретных празднествах. Таким образом, в сфере религии Марк Антоний не совершал ничего экстраординарного, а поступал в духе своих римских предшественников на Востоке.

Конфликт Мария и Суллы 91 г. до н.э.

Будко Валерий

ХНУ имени В. Н. Каразина

vbudko8@gmail.com

Противостояние Мария и Суллы, семикратного консула и римского диктатора, уже не раз становилось предметом исследования историков-антиковедов. Не оставляет сомнения большое влияние, которое эти два человека оказывали на ход истории Римской республики. Поэтому так важно изучить каждый момент взаимодействия этих двух исторических фигур, одним из которых стал скандал из-за дара Бокха.

Основным источником по данной теме являются жизнеописания Мария и Суллы написанные Плутархом. Дополняют эти сведения труды Веллея Патеркула, Светония, Диона Кассия и др. Аурей Фавста Суллы дает нам представление о том, как выглядел монумент. Так же некоторые исследователи считают частью памятника Бокха стелу, найденную у монастыря Сант'Омобон.

Наиболее подробно рассматриваемой проблеме в своей статье уделил внимание К. Маккей. Так же этого вопроса касались Артур Кивни, Антон Короленков и Евгений Смыков.

По Плутарху мавританский царь Бокх, получив статус римского союзника, установил в Риме на Капитолии статую Победы с трофеями и золотым изображением сцены пленения Югурты и передачи его Сулле. Случилось это в конце 91 или в самом начале 90 гг. I в. до н.э. Это событие вызвало конфликт между сторонниками Мария и его противником в лице Суллы. В Риме уже находился памятник победе в Югуртинской войне, поставленный Марием. Поэтому появление нового монумента с подобной сценой как бы легитимизировало претензии Суллы на право быть человеком, положившим конец войне. Установку монумента санкционировал Сенат, в котором было множество противников Мария. Вероятно, Сулла, как и сам Бокх, играли в этом деле не столь важную роль, как это принято представлять. На конец девяностых еще не было ясно, пойдет ли карьера Суллы дальше претуры. Пока же все указывало на то, что эта магистратура стала пределом развития его успеха как политика. Поэтому Суллу никто не опасался, как не опасались и Мария, чья карьера, как казалось, близилась к своему завершению.

Согласно Плутарху подобное изображение уже существовало ранее на кольце Суллы, которое тот сделал сразу после окончания войны в Нумидии. Учитывая то, как резко Марий отреагировал на установку монумента, возникают сомнения в том, что и появление кольца великий полководец оставил незамеченным. Однако же, никакими негативными последствиями для Суллы это не обернулось, напротив, Марий взял будущего диктатора с собой на войну с германскими племенами. Этот факт, а также сходство сюжетов наводит на мысль, что кольцо появилось одновременно с установкой памятника Бокха, а Сулла затем в своих мемуарах перенес момент создания кольца на более ранний период, чтобы придать больше веса толкам о том, что победа в войне с Югуртой принадлежит вовсе не Марию.

Развитию конфликта помешала Союзническая война. Сам памятник, вероятно, был разрушен Марием в 87 г. до н.э. Это должно объяснить жестокость Суллы по отношению к монументам своего бывшего начальника. Приведенный анализ показывает всю важность для римских политиков внешних проявлений их достижений. Установка монументов была не простым посвящением богам, а мерилом успешности, влияющим на политический вес того или иного деятеля.

Внутрішньополітична боротьба Аршакідів і особливості східної політики Римської імперії в добу Юлій-Клавдіїв

Гуменний Віктор

Львівський національний університет імені Івана Франка

hvlterant@gmail.com

У період принципату зовнішня політика виступала одним з визначальних чинників розвитку Римської імперії. Вивчення її східного напрямку, незважаючи на значний історіографічний пласт й досі залишається актуальним. Дослідження Й. Вольського, Г. Кошеленка, Ф. Міллара, А. Бокщаніна, Н. Дібвойза, Л. Грегоратті висвітлюють як особливості внутрішньополітичного розвитку Парфії так і римо-парфянські взаємини з трансформацією римської політики загалом.

В кінці 30-х рр. до н.е., незважаючи на невирішений конфлікт з парфянами, оскільки Фраат IV з 31 до 26-25 рр. до н.е. був зайнятий внутрішньою боротьбою з своїм братом Тірідатом, з боку парфян були відсутні будь-які дії. Тірідат після поразки утікає до римлян і бере з собою сина царя, для повернення якого Фраат надсилав посольство до Августа. Розуміючи всі небезпеки внутрішньополітичної боротьби, Фраат у 10 р. до н.е. передав своїх дітей до Риму. Спроби переворотів були здебільшого викликані самим характером царства Аршакідів, коли протиріччя між східними та західними сатрапіями стали причиною конфліктів. Все це робило Рим більш надійним місцем для збереження життя представників династії, і одночасно надавало римлянам засоби для втручання, коли їм це було вигідно. Вже від часів Тіберія окремі епізоди внутрішньої боротьби були інспіровані римлянами, хоча римська традиція подавала їх як відповідь на прохання парфянської знаті). Найяскравішими стали епізоди боротьби Артабана III з сином Фраата, Тірідатом, а за часів Клавдія у 47 р. н.е. – спроба утвердити онука Фраата, Мегердату, яка відбувалась на фоні загального конфлікту, розпочатого після смерті Артабана III. Практична підтримка кандидатів на престол йшла зі сторони провінційної адміністрації східних провінцій, зокрема намісники Сирії Луцій Вітеллій і Гай Кассій спрямовували свою діяльність у цьому напрямку, що виглядає цікавим у контексті аналізу Ф. Міллара функціонування апарату намісника.

Артабан III після відновлення своєї влади також надіслав у Рим свого сина Дарія. Тацит залишив таке пояснення: «У нас з ними давня і скріплена договорами дружба, і ми повинні прийти на допомогу своїм союзникам і суперникам в силі, які схилились перед нами лише в знак поваги. Для цього і віддають вони нам царських дітей заручниками, для того, щоб мати можливість, коли володар їх батьківщини стане для них нестерпним, звернутись до принцепса і сенаторів і отримати від них більш прийняттого царя, який засвоїв римські звичаї.» (Тас., Ann. XII. 10.).

Аналіз епіграфічного матеріалу показує, що представники як царського роду, так і парфянської знаті доволі легко інтегрувались у систему римського життя. Так, найімовірніше син Фраатового суперника Тірідата, Гай Юлій Тірідат, отримав римське громадянство і навіть керував одним з допоміжних загонів у римській армії (CIL. III. 8746), сини Фраата Сераспадан та Родасп також згадуються як сини «царя царів» (ILS. 842). Інший син Фраата IV, Фраат, згадується у написі часів Антонінів, у зв'язку з реставрацією побудованого ним храму у Немі (CIL. XIV. 2216). Орноспад, який під час кампанії Тірідатата проти Артабана став сатрапом Месопотамії, отримав римське громадянство від Тіберія. Він відзначився у військових діях у Далмації і був добрим соратником імператора, тому його участь у перевороті виглядає не випадковою, як і інші контакти парфянських вельмож з римлянами, що були описані Тацитом. Сама ж внутрішньополітична боротьба навіть у часи Нерона не дозволяла парфянам адекватно реагувати на існуючі проблеми у взаєминах з Римом.

Отже, починаючи від часів Августа майже постійні внутрішньополітичні конфлікти у Парфії ставали причиною не лише певної пасивності політики парфян, але й зумовлювали перебування нащадків царського роду у Римі, де їх часто самі ж римляни використовували для реалізації своїх політичних завдань.

Легионы и вспомогательные отряды: особенности межэтнических взаимоотношений в римской армии I в. н.э.

Дудко Владислав

ДНУ им. О. Гончара

Primipil@mail.ru

Традиционно в историографии римской армии исследователи концентрируют своё внимание на легионах, отводя вспомогательные войска на второй план. Среди работ, исследующих историю вспомогательных войск (ауксилариев), стоит отметить монографии, Г. Чизмана, Н. Филдса, М. Бишоп, Р. Робинсона, где с разной степенью полноты затрагиваются вопросы организации, тактики и вооружения данных отрядов. Тематика этнического происхождения, комплектования, статуса и религиозных верований поверхностно затрагивались в общих работах Я. ЛеБоэка и А. Махлаюка. Однако малоисследованным остаётся сюжет, связанный с взаимоотношениями между легионами и вспомогательными войсками. Изучение данной проблемы даёт возможность не только лучше понять взаимодействие армии на поле боя, причины военных преобразований, но и раскрыть особенности этнической политики римских властей в целом.

Основными источниками, способствующими раскрытию заявленной проблемы, являются тексты античных авторов I в. н.э.: труды Тацита, Диона Кассия, Светония. Отдельные эпизоды, раскрывающие тему нашей работы, мы находим у Иосифа Флавия и Веллея Патеркула.

Работа создавалась, опираясь на принципы историзма и объективности. В исследовании задействованы ретроспективный, социокультурный, хронологический, сравнительно-исторический и другие методы.

Показательными для раскрытия нашей темы являются события так называемого года 4-х императоров (69 г. н.э.), что обуславливается не только подробным описанием в источниках его событий, но и значением данного периода в истории ауксилариев. Рассматривая борьбу Вителлия за императорский престол, мы наблюдаем целый ряд конфликтов, возникавших между легионами и отрядами вспомогательных войск в его армии. Первые попытки высказать недоверие прослеживаются накануне самого бунта Рейнской армии. Тацит пишет о страхе легионов перед отрядами вспомогательных войск, окруживших бунтовщиков. В дальнейшем мы встречаем также примеры открытых конфликтов, возникающих между обеими сторонами. Так, после первой битвы при Бедриаке (79 г. н.э.), батавские когорты, считавшие себя главной силой, принесшей победу, пьяными забирались в палатки к легионерам, доказывая своё превосходство над ними. Постоянные конфликты стали перерастать в коллективную поножовщину между легионами и ауксилариями. Один из инцидентов закончился лишь тогда, когда на выручку братьям по оружию прибежал ещё один легион, заставивший ауксилариев, оставшихся в меньшинстве, сложить оружие. Кульминацией противостояния стало Батавское восстание (70 г. н.э.) во главе с Юлием Цивилисом, поднявшего за собой не только одноплеменников, но и все вспомогательные когорты, набранные из батавов, обрушивших свой гнев на легионы. Подобные акты «верности» со стороны ауксилариев наблюдались и ранее, к примеру, в ходе восстания Такффриата в годы правления Тиберия.

Таким образом, на протяжении I в. н.э. мы наблюдаем эпизоды явного противостояния между легионами и ауксилариями. Причины конфликтов кроются не только в упадке дисциплины и разобщённости армии, возникших в ходе Гражданской войны (69-70 гг. н.э.), но и ментальными различиями. Так, если солдаты легионов ощущали себя римскими гражданами, были верными римским ценностям и отождествляли себя со своим легионом, то отряды вспомогательных войск, невзирая на присягу, идентифицировали себя с представителями своего племени. Стоит учесть, что в первой половине I в. н.э., несмотря на попытки романизации, многие отряды ауксилариев сохраняли определённые черты варварства и удерживали связь со своим племенем. Этому способствовало то, что некоторые из отрядов возглавлялись представителями местной племенной знати. Попытки римских властей навязать вспомогательным отрядам римские солдатские ценности, способствовали их своеобразной маргинализации – раздвоению и амбивалентности идентичности, когда ауксиларии, воспринимая новые ценности, сохраняли и элементы своих прежних племенных традиций. Введение культа знамён, римского пантеона, культа императора способствовало привитию новобранцам солдатских ценностей, их отождествлению с конкретной когортой, алой, но не с римским гражданским обществом в целом.

Следствием подобных конфликтов стало реформирование Флавиями системы комплектования отрядов ауксилариев, заключавшегося в переходе когорт от моноэтнического состава к смешанному.

Кризис римской власти на рубеже IV-V вв. и эвакуация Британии

Наумов Дмитрий

БелГУ

707596@bsu.edu.ru

Британия никогда не контролировалась римской администрацией в полной мере. Наличие опасных и непокорных соседей в лице пиктов и скоттов вынудило римлян создавать большое количество оборонительных сооружений, а легионы были рассредоточены по всей территории, контролируемой римской администрацией. Вместе с тем, римлянам удалось создать довольно прочную хозяйственную, экономическую и политическую систему на территории Британии. Кризис империи на рубеже IV-V вв. не мог не сказаться на Британии, несмотря на то, что она находилась на периферии римского мира. К тому же, удаленность от политических центров Римской империи, с одной стороны, позволила избежать масштабных вторжений германских племен, которые испытали на себе Рим и Галлия, с другой стороны, с начала V в. Британия оказалась предоставлена сама себе и не могла рассчитывать на помощь римских императоров. Оставление той или иной римской провинции и эвакуация легионов является маркером политической ситуации в поздней империи, свидетельством нараставшего кризиса и неспособностью римской армии защитить границы империи. Британия в этом отношении является ярким примером.

Основными источниками по римской Британии этого периода являются «Новая история» Зосима, «Церковная история народа англов» Беда Достопочтенного, труды Прокопия Кесарийского и хроника галльского священника и писателя Гильды. Ценнейшим источником является также *Notitia Dignatatum*, содержащая список гражданских и военных должностей Западной и Восточной Римской империи и списки соединений полевой армии Западной Римской империи, что позволяет получить сведения о состоянии римской армии в рассматриваемый период. Проблема исследования: изучение причин и механизма эвакуации позднеримских провинций на примере Британии. В отечественной историографии эта тема специально не рассматривалась.

Политический и военный упадок римского господства в Британии наметился в 383 г., когда военачальник римской армии Магн Максим был провозглашен своими отрядами императором. Он перебрался с рядом военных подразделений в Галлию, где ему удалось временно утвердить свою власть. Потеря части военного контингента имела для Британии серьезные последствия. Военный гарнизон вала Адриана пришлось сначала сократить, а затем вообще вывести. На севере осталась лишь местная гражданская милиция. Римлянам пришлось искать союзников в лице племенных князей Шотландии, которые находясь на положении федератов, взяли на себя обязанности по защите римской северной границы. В начале V в. Стилихон отзывает из Британии один легион для защиты Северной Италии от вестготов Алариха и других племен. В 406 г. выступают два узурпатора – Марк и Грациан, которые вскоре были убиты. Вскоре британская армия предприняла еще одну попытку посадить на римский трон своего ставленника – Константина, который привлек армию на свою сторону и вместе со всеми боеспособными частями высадился в Галлии. В Британии остались лишь вспомогательные части преимущественно кельтского происхождения. По сути, с этого времени защита Британии находилась в руках горожан и британо-римской местной аристократии.

Таким образом, к концу IV в. наметился глубокий кризис римской администрации в Британии. С этого времени римские легионы, находящиеся в Британии, активно включаются в процессы политической борьбы внутри Западной Римской империи и выдвигают своих кандидатов на императорский трон. Участвуя в войнах на их стороне, легионы покидали Британию и назад уже не возвращались. Военная необходимость также заставляла привлекать из Британии наиболее боеспособные части для защиты Италии, что привело в итоге к окончательному выводу всего римского военного контингента Британии к 408 г. Основными военными силами в Британии после вывода легионов стали вспомогательные части, состоявшие преимущественно из германских наемников. Однако, несмотря на это, городам удавалось справляться с внешними угрозами еще несколько десятилетий.

Набатейско-иудейские отношения в I в. до н.э.

Алёна Походнякова

ХНУ имени В. Н. Каразина

alyona.pokhodnyakova@gmail.com

На протяжении своего существования Набатейское государство имело различные внешнеполитические контакты со многими государствами и народами. Территории Идумеи и южного Заиордания, занимаемые набатеями, стали объектом соперничества двух крупнейших держав эллинистического Ближнего Востока - Птолемеев и Селевкидов. С I в. до н.э. египетское влияние сменилось римской экспансией, вплоть до аннексии императором Траяном Набатейского государства в 106 г. н.э. Однако наиболее частыми были контакты набатеев с хасмонейской Иудеей.

В ходе исследования была сделана попытка реконструировать политическую историю Набатейского государства в контексте его контактов с Иудеей, определить характер этих отношений и проанализировать их влияние на политику набатейских царей. Кроме того, интерес представляет роль Римской империи в взаимоотношениях двух держав. История Набатейского государства практически не привлекала внимания отечественных исследователей. Единственной работой, посвященной Набатеям, является монография советского антиковеда и востоковеда И. Ш. Шифмана «Набатейское государство и его культура».

В основе исследования лежат труды античных авторов: Иосифа Флавия, Диодора, Страбона, Кассия Диона, а также использованы сведения из Септуагинты (Первая и Вторая книга Маккавейская) и Послания к Коринфянам. Историографической базой исследования являются работы таких зарубежных ученых, как Г. Бауэрсок, Р. МакЛафлин, М. Эвенари, Дж. Патрича и др., а также отечественного историка И. Ш. Шифмана.

Характер взаимоотношений государств был изменчив. Так, первоначально набатеи и иудеи сближала общая угроза со стороны Селевкидской Сирии. К концу II в. до н.э., с ослаблением Сирии и Египта, Набатейское государство значительно окрепло и контролировало караванные пути в пустынных и полупустынных районах южного Заиордания и Негева. В этот период началась экспансия набатеев на север, приведшая к их столкновению с Иудеей. Арета II пытался помочь Газе в ее войне с Александром Яннаем (103-76 гг. до н.э.), остановив продвижение последнего в Заиордание. В правление вдовы Александра Янны, Саломеи-Александры (76-67 гг. до н.э.), между двумя царствами поддерживались мирные отношения. Набатейский царь Арета III (87(4)-62 гг. до н.э.) вмешался во внутреннюю политику Иудеи, оказав военную поддержку Гиркану II в его междоусобной борьбе за престол со своим братом Аристоклом II. Также набатеи вели длительные войны с Иродом I Великим (40-4 гг. до н.э.).

Таким образом, контакты с Иудеей были важнейшим вектором внешней политики Набатейского государства в I в. до н.э. Частые конфликты и войны сменялись непродолжительными периодами мирных отношений. Взаимоотношения двух государств были преимущественно соперническими, причем в это противостояние с второй половины I в. до н.э. активно вмешивались римляне.

К вопросу о времени первого контакта Рима и Парфии

Самойленко Дмитрий

ХНУ имени В. Н. Каразина

samoynlenkodima@mail.ru

Начало I века до н.э. является временем активизации римской внешней политики на Востоке, которое сопровождалось постепенным утверждением республики в регионе. Именно в этот период происходит знакомство римской дипломатии с могущественным Парфянским царством, имевшим схожие с Римом цели в Передней Азии и в Восточном Средиземноморье. К огромному сожалению, очень мало свидетельств, которые бы пролили свет на это событие, положившее начало многовековому соперничеству Рима и Парфии за господство на Востоке. Спорным сегодня остается вопрос, связанный с точной датировкой первого контакта двух государств, который в исторической науке описывается в районе между 96 и 92 гг. до н.э.

По данному вопросу в современной историографии существует ряд серьезных споров, непосредственно касающихся даты первого римско-парфянского контакта, его результатов и последствий. Среди таких исследований, в которых присутствует попытка определить точное время и цель встречи посольств двух стран, следует выделить работы А. Кивни, Э. Бедиана, Т. Моммзена, Т. Броутона, Э. Шервин-Уайта, Н. К. Дибвойза, Р. Л. Манасеряна, Е. В. Смыкова, С. Ю. Сапрыкина. Множество разнообразных мнений и версий по исследуемой проблеме, существующих в современной историографии, способствует поддержанию активной дискуссии.

Научная новизна предлагаемой работы заключается в том, что было проведено тщательное сопоставление существующих в нарративных источниках и историографии данных и сформулировано отличное от других исследователей мнение и взгляд на проблему. Также была совершена попытка самостоятельно проанализировать и сопоставить некоторые факты для определения подлинной даты встречи римлян и парфян и дать собственную хронологию событий.

Источниковая база представлена преимущественно сочинениями древнеримских авторов. Несмотря на недостаточное описание данного вопроса в источниках, большое значение имеют «Сравнительные жизнеописания» Плутарха и «Римская история» Тита Ливия. Также о первом контакте римлян и парфян упоминается в трудах Юстина, Велея Патеркула, Страбона, Аппиана.

По данным Плутарха первая встреча римлян и парфян состоялась у Евфрата. Древнегреческий историк сообщает о том, что якобы в лагерь римского полководца Луция Корнелия Суллы прибыло посольство от царя Парфии Арсака, возглавляемое Оробазом и пытавшееся «договориться с римлянами о союзе и дружбе». Если полагаться на эти скудные данные, то предположительно событие могло состояться между 96 и 92 гг. до н.э. Выбор этих хронологических рамок не случаен и полностью принят почти всеми исследователями данного вопроса. Однако определение единственно верной даты порождает ряд дискуссий. В подтверждение 92 г. до н.э., как наиболее верной даты первого контакта римлян и парфян могут выступать события на Востоке в этот период и военная кампания Суллы против армянских войск. Прежде всего, данное действие Сулла не мог совершить ранее 93 г. до н.э., так как Тигран пришел к власти лишь в 95 г. до н.э., а союз Понта и Армении, предоставлявший последним право вторжения в Каппадокию, был подписан в 94 г. до н.э. Следует сказать то, что в 91 г. до н.э. Тигран вновь совершил поход в Каппадокию, повторно изгнав Ариобарзана, поправившего лишь год. Исходя из всего этого, версия с поздней датировкой наместничества в Киликии Суллы (93/92 гг. до н.э.) может считаться наиболее верной.

Основываясь на ряде вышеперечисленных фактов и дат, необходимо рассматривать именно 92 г. до н.э. временем первого контакта Рима и Парфии. Существующие также в историографии мнения о датировке встречи 96 г. до н.э. и 94 г. до н.э. не соответствуют схеме событий на Востоке. Применение таких дат возможно лишь при использовании версии о «ранней» датировке пропреторства Суллы в Киликии (96/95 гг. до н.э.), что, как уже было сказано, недостаточно убедительно.

Проблемы хронологии в трактате Иоанна Лиды «О магистратах римского государства»

Синица Марина

БелГУ

sinitsam@yandex.ru

Хронология и периодизация истории в произведении Иоанна Лиды «О магистратах римского государства» недостаточно разработана, как и исследование указанного произведения в целом. В основном оно изучается в контексте общих работ, посвященных администрации и бюрократии поздней империи, среди них из зарубежной историографии следует выделить работы Р. Скотт, К. Триспэнлис, Дж. Кайми, а также фундаментальную монографию К. Келли. Комплексное исследование творчества Иоанна Лиды проведено лишь в одной монографии - М. Маас. Среди отечественных исследований можно выделить только работы З. Удальцовой. Основным источником является сам трактат «О магистратах римского государства», в качестве дополнительных – нарративные сочинения современников или близких по времени к Лиду – Зосима, Прокопия Кесарийского, Иоанна Малалы.

Трактат Иоанна Лиды определяется как историко-административное сочинение. Исследователи характеризуют его хронологию линейно, приближая данное произведение к жанру исторического нарратива, хронографии. Периодизацию дают очень обобщенно, выделяя три больших периода: царского периода и республики, империи, времени автора, – в соответствии с каждой из трех книг данного произведения. Но это представляется недостаточным, так как характер сочинения неоднороден, его нельзя рассматривать как историю или хронику. Неоднородность трактата делают его хронологию и периодизацию запутанными и неопределенными. Первая часть трактата разбита на главы, каждая из которых описывает зарождение и развитие определенного магистрата или инсигнии власти. Вторая часть посвящена наиболее важным магистратам, характеризуются их изменения в эпоху гражданских войн и первых цезарей, описываются реформы со времен Константина Великого до времени автора. Третья часть посвящена самому главному, по мнению автора, магистрату – Префектуре Претория, дается ее комплексная характеристика с частыми экскурсами в прошлое.

В начале трактата автором дается периодизация, в основу которой положен принцип изменения государственного устройства Римского государства и связанное с этим изменение значения и функций различных магистратов. Количество лет в каждом периоде подсчитано с большой точностью. Однако хронология нарушена – при характеристике отдельных магистратов автор широко использует аналогии, повествование нередко нарушается вставками, характеризующими современное состояние описываемого объекта или его состояние в прошлом, часты этимологические экскурсы в древнейшие времена. Дав вначале строгую хронологическую периодизацию, Иоанн Лид больше к ней не возвращается. Точные временные индикаторы используются редко и бессистемно – всего дважды упоминается год от основания Рима, всего один раз счет по Олимпиадам, и их использование связано с источниками Лиды. Наиболее распространено в трактате, особенно во второй и третьей частях, указание на время правления какого-либо императора или исполнения должности каким-либо префектом. Первая часть рассматривает еще более обширные периоды: мифические времена до основания Рима, период царей, период консульской власти, республики до начала принципата. В то же время ряд эпох выпадает из поля зрения писателя, что приводит к дискретности трактата. Но при этом Иоанн Лид широко использует различные исторические произведения, ссылки на которые обильно представлены в трактате, отсылая читателей уточнять временные параметры в них. Восприятие времени писателя цикличное, что характерно для античного времени, а не для христианского средневековья с линейной концепцией, чем в большей степени можно объяснить достаточно беспорядочную и произвольную в хронологическом плане структуру текста.

Административная реформа императора Адриана и ее место в истории эволюции системы принципата

Шаповаленко Анастасия

ХНУ имени В. Н. Каразина

an.shapovalenko@mail.ru

В истории развития системы принципата важное место принадлежит преобразованиям, осуществленным в период правления Адриана (117–138 гг. н.э.). Им был предпринят ряд мер, направленных на стабилизацию ситуации в Империи и упрочение позиций центральной власти. Особенно важное место в ряду этих мероприятий принадлежит административной реформе, которая стала важным шагом на пути к установлению неограниченной власти принцепса. Между тем, свидетельства античных авторов об этой реформе противоречивы, в значительной мере поэтому она по-разному расценивается и в современной историографии. Попытаемся определить основное содержание преобразований Адриана в административной сфере и их последствия.

Именно Адриан первым из римских императоров при назначении на высшие государственные должности стал ориентироваться прежде всего на представителей всаднического сословия. Он учел опыт своих предшественников, назначавших на придворные и высшие административные должности своих вольноотпущенников, что неизбежно приводило к злоупотреблению последними данной им властью. К тому же, Адриан не питал доверия к вольноотпущенникам, равно как и к сенаторам. Поэтому им был сделан выбор в пользу всаднического сословия, ставшего, наряду с армией, существенной опорой Адриана и его реформ.

Важной частью административной реформы, продиктованной политическими мотивами, стало решение Адриана воссоздать императорский совет, который состоял преимущественно из всадников с юридическим образованием. Еще император Август приглашал для решения наиболее спорных дел и вопросов особо приближенных к себе людей. При Августе, Домициане и Траяне в совет приглашались известные юристы, но он носил временный характер и созывался лишь по особым случаям, для рассмотрения злободневных дел. Во времена же Адриана члены совета выбирались самим императором, и этот орган функционировал постоянно.

Еще одним важным преобразованием в рамках административной реформы стало возвышение преторианской префектуры, которое привело к резкому ограничению властных прав сената. Именно в эпоху Адриана гражданские полномочия преторианского префекта существенно расширились. Во время отсутствия императора в Риме префект заменял его во всех отношениях с сенатом и от его имени руководил деятельностью центральных учреждений.

Таким образом, фактическое превращение государственной администрации в компетенцию всаднического сословия отдалило сенат от важных государственных дел, а также способствовало созданию вокруг императора плотного кольца из представителей всадничества, отныне противостоявшего сенату и сумевшему занять в государственном управлении те позиции, которые он не сумел удержать. Учреждение императорского совета положило начало новому совещательному органу, полностью зависевшему от принцепса, а также позволило императору сделать еще один шаг в сторону политической независимости от сената. Еще одним ощутимым ударом по властным притязаниям сената стало наделение широкими гражданскими полномочиями преторианских префектов, причем со временем их компетенция еще более расширилась. Посредством осуществления административной реформы Адриану, по сути, удалось разрушить заложенные еще Августом традиции двоевластия и сделать уверенный шаг к утверждению неограниченной власти императора.